

Василий Осипович Ключевский

Царь Алексей Михайлович

*Часть сборника
Исторические портреты*

Василий Осипович Ключевский

Царь Алексей Михайлович

Серия «Исторические портреты»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176690
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8*

Аннотация

«Нам остается взглянуть на людей, стоявших во главе русского общества XVII в. Это необходимо для полноты наблюдения. Из противоположных течений, волновавших русское общество, одно отталкивало его к старине, а другое увлекало вперед, в темную даль неведомой чужбины. Эти противоположные влияния рождали и распространяли в обществе смутные чувства и настроения. Но в отдельных людях, становившихся впереди общества, эти чувства и стремления уяснялись, превращались в сознательные идеи и становились практическими задачами...»

Василий Осипович

Ключевский

Царь Алексей Михайлович

МИМ ПАРКНУМАН РИХАТ

Зрехъ вѣднъ доукоу стнъ: Ахъ ииъ Гелнъ иро
поукоу стнъ: Слнвнъ Гелнъ
Слнвнъ стнъ: Слнвнъ стнъ: Слнвнъ стнъ
доукоу стнъ: Слнвнъ стнъ: Слнвнъ стнъ

Царь и великий князь Алексей Михайлович

Нам остается взглянуть на людей, стоявших во главе русского общества XVII в. Это необходимо для полноты наблюдения. Из противоположных течений, волновавших русское общество, одно отталкивало его к старине, а другое увлекало вперед, в темную даль неведомой чужбины. Эти противоположные влияния рождали и распространяли в обществе смутные чувства и настроения. Но в отдельных людях, становившихся впереди общества, эти чувства и стремления уяснялись, превращались в сознательные идеи и становились практическими задачами. Притом такие представительные, типические лица помогут нам полнее изучить состав жизни, их воспитавшей. В таких лицах целно собирались и выпукло проступали такие интересы и свойства их среды, которые терялись в ежедневном обиходе, спорадически бродя по заурядным людям, разбросанными и бессильными случайностями. Я остановлю ваше внимание только на немногих людях, шедших во главе преобразовательного движения, которым подготовлялось дело Петра. В их идеях и в задачах, ими поставленных, всего явственнее обнаруживаются существенные результаты этой подготовки. То были идеи и задачи, которые прямо вошли в преобразовательную программу Петра как завет его предшественников.

Первое место между этими предшественниками принадлежит, бесспорно, отцу преобразователя. В этом лице отра-

зился первый момент преобразовательного движения, когда вожди его еще не думали разрывать со своим прошлым и ломать существующее. Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении.

Он вырос вместе с поколением, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины. Это было у нас единственное поколение, так думавшее: так не думали прежде и перестали думать потом. Люди прежних поколений боялись брать у Запада даже материальные удобства, чтобы ими не повредить нравственного завета отцов и дедов, с которым не хотели расставаться, как со святыней; после у нас стали охотно пренебрегать этим заветом, чтобы тем вкуснее были материальные удобства, заимствуемые у Запада. Царь Алексей и его сверстники не менее предков дорожили своей православной стариной. Но некоторое время они были уверены, что можно щеголять в немецком кафтане, даже смотреть на иноземную потеху, «комедийное действо», и при этом сохранить в неприкосновенности те чувства и понятия, какие необходимы, чтобы с набожным страхом помышлять о воз-

возможности нарушить пост в Крещенский сочельник до звезды.

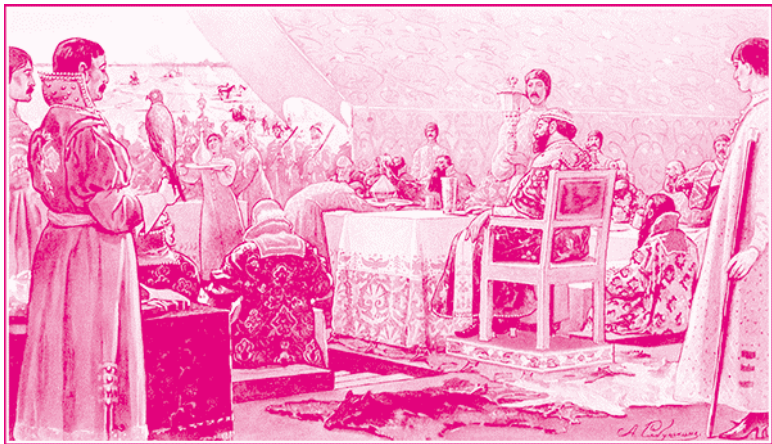
Царь Алексей родился в 1629 г. Он прошел полный курс древнерусского образования, или словесного учения, как тогда говорили. По заведенному порядку тогдашней педагогики, на шестом году его посадили за букварь, нарочно для него составленный патриаршим дьяком по заказу дедушки, патриарха Филарета. Это был известный древнерусский букварь с титлами, заповедями, кратким катехизисом и т. д.

Учил царевича, как это было принято при Московском дворе, дьяк одного из московских приказов. Через год перешли от азбуки к чтению Часовника, месяцев через пять – к Псалтырю, еще через три принялись изучать Деяния апостолов, через полгода стали учить писать, на девятом году певчий дьяк, т. е. регент дворцового хора, начал разучивать Охтой (Октоих), нотную богослужебную книгу, от которой месяцев через восемь перешли к изучению «страшного пения», т. е. церковных песнопений Страстной седмицы, особенно трудных по своему напеву. И лет десяти царевич был готов, прошел весь курс древнерусского гимназического образования. Он мог бойко прочесть в церкви Часы и не без успеха петь с дьячком на клиросе по крюковым нотам стихиры и каноны. При этом он до мельчайших подробностей изучил чин церковного богослужения, в чем мог поспорить с любым монастырским и даже соборным уставщиком. Царевич прежнего времени, вероятно, на этом бы и остановился.

Но Алексей воспитывался в иное время, у людей которого настойчиво стучалась в голову смутная потребность ступить дальше, в таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, мимо которой, боязливо чураясь и крестясь, пробегал благочестивый русский грамотей прежних веков. Немец со своими нововымышленными хитростями, уже забравшийся в ряды русских ратных людей, проникал и в детскую комнату государева дворца. В руках ребенка Алексея была уже «потеха», конь немецкой работы и немецкие «карты», картинки, купленные в Овощном ряду за 3 алтына 4 деньги (рубля полтора на наши деньги), и даже детские латы, сделанные для царевича мастером-немчином Петром Шальтом.

Когда царевичу было лет 11–12, он обладал уже маленькой библиотекой, составившейся преимущественно из подарков дедушки, дядек и учителя, заключавшей в себе томов 13. Большею частью это были книги Священного Писания и богослужebные; но между ними находились уже «Грамматика», печатанная в Литве, «Космография» и в Литве же изданный какой-то «Лексикон». К тому же главным воспитателем царевича был боярин Б. И. Морозов, один из первых русских бояр, сильно пристрастившийся к западноевропейскому. Он ввел в учебную программу царевича прием наглядного обучения, знакомил его с некоторыми предметами посредством немецких гравированных картинок; он же ввел и другую, еще более смелую новизну в московский госуда-

рев дворец – одел цесаревича Алексея и его брата в немецкое платье.

А. Рябушкин. Пир царя Алексея Михайловича с ближайшими боярами в отъезде поле. 1897 г.

В зрелые годы царь Алексей представлял в высшей степени привлекательное сочетание добрых свойств верного старине древнерусского человека с склонностью к полезным и приятным новшествам. Он был образцом набожности, того чинного, точно размеренного и твердо разученного благочестия, над которым так много и долго работало религиозное чувство Древней Руси. С любым иноком мог он поспорить в искусстве молиться и поститься. В Великий и Успенский пост, по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам, царь кушал раз в день, и кушанье его состояло из капусты,

груздей и ягод – все без масла; по понедельникам, средам и пятницам во все посты он не ел и не пил ничего. В церкви он стоял иногда часов по пяти и по шести сряду, клал по тысяче земных поклонов, а в иные дни и по полторы тысячи. Это был истовый древнерусский богомолец, стройно и цельно соединявший в подвиге душевного спасения труд телесный с напряжением религиозного чувства. Эта набожность оказывала могущественное влияние и на государственные понятия, и на житейские отношения Алексея.

Сын и преемник царя, пользовавшегося ограниченной властью, но сам вполне самодержавный властелин, царь Алексей крепко держался того выпренного взгляда на царскую власть, какой выработало старое московское общество. Предание Грозного звучит в словах царя Алексея: «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке и на западе, и на юге и на севере вправду». Но сознание самодержавной власти в своих проявлениях смягчалось набожной кротостью, глубоким смирением царя, пытавшегося не забыть в себе человека.

В царе Алексее нет и тени самонадеянности, того щекотливого и мнительного, обидчивого властолюбия, которым страдал Грозный. «Лучше слезами, усердием и низостью (смирением) перед Богом промысел чинить, чем силой и славой (надменностью)», – писал он одному из своих воевод. Это соединение власти и кротости помогало царю ладить с боярами, которым он, при своем самодержавии, усту-

пал широкое участие в управлении. Делиться с ними властью, действовать с ними об руку было для него привычкой и правилом, а не жертвой или досадной уступкой обстоятельствам. «А мы, великий государь, – писал он князю Никите Одоевскому в 1652 г., – ежедневно просим у Создателя и у Пречистой Его Богоматери и у всех святых, чтобы Господь Бог даровал нам, великому государю, и вам, боярам, с нами единомышленно люди Его световы управить вправду всем равно».

Сохранилась весьма характерная в своем роде записочка царя Алексея, коротенький конспект того, о чем предполагалось говорить на заседании Боярской думы. Этот документ показывает, как царь готовился к думским заседаниям: он не только записал, какие вопросы предложить на обсуждение бояр, но и наметил, о чем говорить самому, как решить тот или другой вопрос. Кое о чем он навел справки, записал цифры. Об ином он еще не составил мнения, и не знает, как выскажутся бояре. О другом он имеет нерешительное мнение, от которого откажется, если станут возражать. Зато по некоторым вопросам он составил твердое суждение и будет упорно за него стоять в совете: это именно вопросы простой справедливости и служебной добросовестности.

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
утверждает вновь составленное Соборное Уложение, в 1648 году.

Б. Чориков. Царь Алексей Михайлович утверждает вновь составленное Соборное Уложение в 1648 г.

Астраханский воевода, по слухам, уступил калмыкам православных пленников, ими захваченных. Царь решил написать ему «с грозой и с милостию», а если слух оправдается, казнить его смертью или, по меньшей мере, отсечь руку и сослать в Сибирь. Эта записочка всего нагляднее рисует простоту и прямоту отношений царя к своим советникам, равно и внимательность к своим правительственным обязанностям.

Общественные нравы и понятия в иных случаях перемог-

али добрые свойства и влечения царя. Властный человек в Древней Руси так легко забывал, что он не единственный человек на свете, и не замечал рубежа, до которого простирается его воля и за которым начинаются чужое право и общеобязательное приличие. Древнерусская набожность имела довольно ограниченное поле действия, поддерживала религиозное чувство, но слабо сдерживала волю. От природы живой, впечатлительный и подвижный, Алексей страдал вспыльчивостью, легко терял самообладание и давал излишний простор языку и рукам. Однажды, в пору уже натянутых отношений к Никону, царь, возмущаемый высокомерием патриарха, из-за церковного обряда поссорился с ним в церкви в Великую пятницу и выбрал его обычной тогда бранью московских сильных людей, не исключая и самого патриарха, обозвав Никона «мужиком, сыном».

В другой раз, в любимом своем монастыре Саввы Сторожевского, который он недавно отстроил, царь праздновал память святого основателя монастыря и обновление обители в присутствии патриарха Антиохийского Макария. На торжественной заутрене чтец начал чтение из Жития святого обычным возгласом: «Благослови, отче!» Царь вскочил с кресла и закричал: «Что ты говоришь, мужик, сын: “Благослови, отче”? Тут патриарх; говори: “Благослови, владыко!”» В продолжение службы царь ходил среди монахов и учил их читать то-то, петь так-то. Если они ошибались, с бранью поправлял их, вел себя уставщиком и церковным старостой. Он

зажигал и гасил свечи, снимал с них нагар, во время службы не переставал разговаривать со стоявшим рядом приезжим патриархом, был в храме, как дома, как будто на него никто не смотрел.

Ни доброта природы, ни мысль о достоинстве сана, ни усилия быть набожным и порядочным ни на вершок не поднимали царя выше грубейшего из его подданных. Религиозно-нравственное чувство разбивалось о неблаговоспитанный темперамент, и даже добрые движения души получали непристойное выражение. Вспыльчивость царя чаще всего возбуждалась встречей с нравственным безобразием, особенно с поступками, в которых обнаруживались хвастовство и надменность. Кто на похвальбе ходит, всегда посрамлен бывает: таково было житейское наблюдение царя. В 1660 г. князь Хованский был разбит в Литве и потерял почти всю свою двадцатитысячную армию. Царь спрашивал в Думе бояр, что делать. Боярин И. Д. Милославский, тесть царя, не бывавший в походах, неожиданно заявил, что если государь пожалует его, даст ему начальство над войском, то он скоро приведет пленником самого короля Польского. «Как ты смеешь, – закричал на него царь, – ты, страдник, худой челове-чишка, хвастаться своим искусством в деле ратном! Когда ты ходил с полками, какие победы показал над неприятелем?» Говоря это, царь вскочил, дал старику пощечину, надрал ему бороду и, пинками вытолкнув его из палаты, с силой хлопнул за ним двери. На хвастуна или озорника царь вспылит,

пожалуй, даже пустит в дело кулаки, если виноватый под руками, и уж непременно обругает вволю. Алексей был мастер браниться тою изысканною бранью, какой умеет браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушие.

Казначей Саввина Сторожевского монастыря, отец Никита, выпивши, подрался со стрельцами, стоявшими в монастыре, прибил их десятника (офицера) и велел выбросить за монастырский двор стрелецкое оружие и платье. Царь возмутился этим поступком, «до слез ему стало, во мгле ходил», по его собственному признанию. Он не утерпел и написал грозное письмо буйному монаху. Характерен самый адрес послания: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси – врагу Божию и богоненавистцу и хриstopродавцу и разорителю чудотворцева дому и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злomu пронырливому злодею казначею Миките». Но прилив царственного гнева разбивался о мысль, никогда не покидавшую царя, что на земле никто не безгрешен перед Богом, что на Его суде все равны, и цари и подданные: в минуты сильнейшего раздражения Алексей ни в себе, ни в виноватом подданном старался не забыть человека. «Да и то себе ведай, сатанин ангел, – писал царь в письме к казначею, – что одному тебе да отцу твоему диаволу годна и дорога твоя здешняя честь, а мне, грешному, здешняя честь, аки прах, и дороги ли мы перед Богом с тобою и дороги ли наши высокосердечные мысли, доколе Бога не боимся». Самодержав-

ный государь, который мог сдуть с лица земли отца Микиту, как пылинку, пишет далее, что он сам со слезами будет милости просить у чудотворца преподобного Саввы, чтобы оборонил его от злонравного казначея. «На оном веке рассудит нас Бог с тобою, а опричь того мне нечем от тебя оборониться». При доброте и мягкости характера, это уважение к человеческому достоинству в подданном производило обязательное действие на своих и чужих, и заслужило Алексею прозвание «тишайшего царя».

Иностранцы не могли надивиться тому, что этот царь, при беспредельной власти своей над народом, привыкшим к полному рабству, не посягнул «ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь» (слова австрийского посла Мейерберга). Дурные поступки других тяжело действовали на него, всего более потому, что возлагали на него противную ему обязанность наказывать за них. Гнев его был отходчив, проходил минутной вспышкой, не простираясь далее угроз и пинков, и царь первый шел навстречу к потерпевшему с прощением и примирением, стараясь приласкать его, чтобы не сердился. Страдая тучностью, царь раз позвал немецкого «дохтура» открыть себе кровь. Почувствовав облегчение, он, по привычке делиться всяким удовольствием с другими, предложил и своим вельможам сделать ту же операцию. Не согласился на это один боярин Стрешнев, родственник царя по матери, ссылаясь на свою старость. Царь вспылил и прибил старика, приговаривая: «Твоя кровь дороже, что ли, мо-

ей? Или ты считаешь себя лучше всех?» Но скоро царь и не знал, как задобрить обиженного, какие подарки послать ему, чтобы не сердился, забыл обиду.

Алексей любил, чтобы вокруг него все были веселы и довольны. Всего невыносимее была ему мысль, что кто-нибудь им недоволен, ропщет на него, что он кого-нибудь стесняет. Он первый начал ослаблять строгость заведенного при Московском дворе чопорного этикета, делавшего столь тяжелыми и натянутыми придворные отношения. Он нисходил до шутки с придворными, ездил к ним запросто в гости, приглашал их к себе на вечерние пирушки, поил, близко входил в их домашние дела. Уменьше входить в положение других, понимать и принимать к сердцу их горе и радость было одною из лучших черт в характере царя. Надобно читать его утешительные письма к князю Николаю Одоевскому по случаю смерти его сына и к Ордин-Нащокину по поводу побега его сына за границу. Надобно читать эти задушевные письма, чтобы видеть, на какую высоту деликатности и нравственной чуткости могла поднять даже неустойчивого человека эта способность проникаться чужим горем. В 1652 г. сын князя Николая Одоевского, служившего тогда воеводой в Казани, умер от горячки почти на глазах у царя. Царь написал старику-отцу, чтобы утешить его, и, между прочим, писал: «И тебе бы, боярину нашему, через меру не скорбеть, а нельзя, чтобы не поскорбеть и не поплакать, и поплакать надобно, только в меру, чтобы Бога не прогневить». Автор

письма не ограничился подробным рассказом о неожиданной смерти и обильным потоком утешений отцу. Окончив письмо, он не утерпел, еще приписал: «Князь Никита Иванович! Не горюй, а уповай на Бога и на нас будь надежен». В 1660 г. сын Ордин-Нащокина, молодой человек, подававший большие надежды, которому иноземные учителя вскрыжили голову рассказами о Западной Европе, бежал за границу. Отец был страшно сконфужен и убит горем, сам уведомил царя о своем несчастье и просил отставки. Царь умел понимать такие положения и написал отцу задушевное письмо, в котором защищал его от него самого. Между прочим он писал: «Просишь ты, чтобы дать тебе отставку; с чего ты взял просить об этом? Думаю, что от безмерной печали. И что удивительного в том, что надурил твой сын? От малодумия так поступил. Человек он молодой, захотелось посмотреть на мир Божий и его дела; как птица полетает туда и сюда и, налетавшись, прилетает в свое гнездо, так и сын ваш припомнит свое гнездо и свою духовную привязанность и скоро к вам воротится».

В. Васнецов. Выезд царя Алексея Михайловича на охоту

Царь Алексей Михайлович был добрейший человек, славная русская душа. Я готов видеть в нем лучшего человека Древней Руси, по крайней мере, не знаю другого древнерусского человека, который производил бы более приятное впечатление – но только не на престоле. Это был довольно пассивный характер. Природа или воспитание было виною того, что в нем развились преимущественно те свойства, которые имеют такую цену в ежедневном житейском обиходе, вносят столько света и тепла в домашние отношения. Но при нравственной чуткости царю Алексею недоставало нравственной

энергии. Он любил людей и желал им всякого добра, потому что не хотел, чтобы они своим горем и жалобами расстраивали его тихие личные радости. В нем, если можно так выразиться, было много того нравственного сибаритства, которое любит добро, потому что добро вызывает приятные ощущения. Но он был мало способен и мало расположен что-нибудь отстаивать или проводить, как и с чем-либо долго бороться. Рядом с даровитыми и честными дельцами он ставил на важные посты людей, которых сам ценил очень низко. Наблюдатели непредубежденные, но и непристрастные выносили несогласимые впечатления, из которых слагалось такое общее суждение о царе, что это был добрейший и мудрейший государь, если бы не слушался дурных и глупых советников.

Будите охотн, закакайтесь, угтшайтеса сею докрою поттшою, зтшо
поттшно угодно и бесвар, да не одохьютъ касъ крчнны и печалл каскід 79

А. Рябушкин. Выезд на соколиную охоту при царе Алексее Михайловиче

В царе Алексее не было ничего боевого. Всего менее имел он охоты и способности двигать вперед, понукать и направлять людей, хотя и любил подчас собственноручно «смирить», т. е. отколотить неисправного или недобросовестного слугу. Современники, даже иностранцы, признавали в нем богатые природные дарования; восприимчивость и любознательность помогли ему приобрести замечательную по тому времени начитанность не только в божественном, но и в мирском писании. О нем говорили, что он «навычен многим философским наукам»; дух времени, потребности минуты также будили в нем мысль, задавали новые вопросы.

Это возбуждение сказалось в литературных наклонностях царя Алексея. Он любил писать и писал много, больше, чем кто-либо из древнерусских царей после Грозного. Он пытался изложить историю своих военных походов, делал даже опыты в стихотворстве: сохранилось несколько написанных им строк, которые могли казаться автору стихами. Всего больше оставил он писем к разным лицам. В этих письмах много простодушия, веселости, подчас задушевной грусти, и просвечивает тонкое понимание ежедневных людских отношений, меткая оценка житейских мелочей и заурядных людей, но не заметно ни тех смелых и бойких оборотов мысли, ни той иронии – ничего, чем так обильны послания Грозно-

го. У царя Алексея все мило, многоречиво, иногда живо и образно, но вообще все сдержанно, мягко, тускло и немного сладковато. Автор, очевидно, человек порядка, а не идей и увлечения, готового расстроить порядок во имя идеи; он готов был увлекаться всем хорошим, но ничем исключительно, чтобы ни в себе, ни вокруг себя не разрушить спокойного равновесия. Склад его ума и сердца с удивительной точностью отражался в его полной, даже тучной фигуре, с низким лбом, белым лицом, обрамленным красивой бородой, пухлыми румяными щеками, русыми волосами, кроткими чертами лица и мягкими глазами.

Этому-то царю пришлось стоять в потоке самых важных внутренних и внешних движений. Разносторонние отношения, старинные и недавние, шведские, польские, крымские, турецкие, западнорусские, социальные, церковные, как нарочно, в это царствование обострились. Они встретились и перепутались, превратились в неотложные вопросы и требовали решения, не соблюдая своей исторической очереди. И над всеми ними как общий ключ к их решению стоял основной вопрос: оставаться ли верным родной старине, или брать уроки у чужих? Царь Алексей разрешил этот вопрос по-своему: чтобы не выбирать между стариной и новшествами, он не разрывал с первой и не отворачивался от последних. Привычки, родственные и другие отношения привязывали его к стародумам. Нужды государства, отзывчивость на все хорошее, личное сочувствие тянули его на сторону умных и

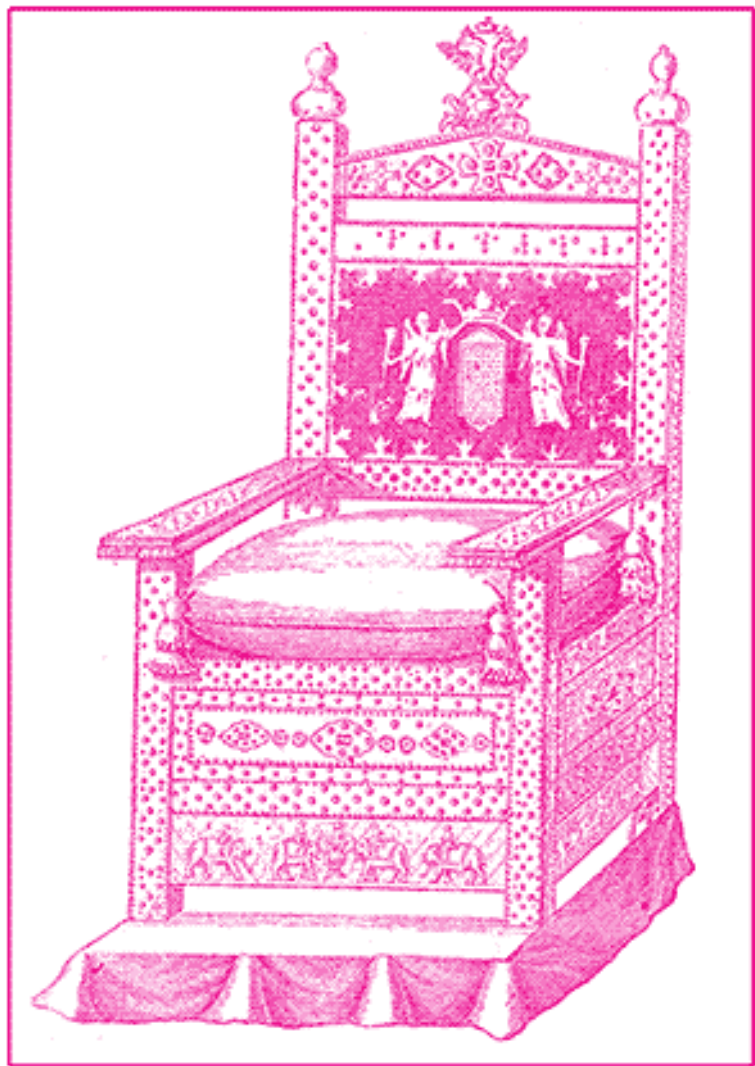
энергических людей, которые во имя народного блага хотели вести дела не по-старому. Царь и не мешал этим новаторам, даже поддерживал их, но только до первого раздумья, до первого энергичного возражения со стороны стародумов.

Увлекаемый новыми веяниями, царь во многом отступал от старозаветного порядка жизни, ездил в немецкой карете, брал с собой жену на охоту, водил ее и детей на иноземную потеху, «комедийные действия» с музыкой и танцами, поил допьяна вельмож и духовника на вечерних пирушках, причем «немчин в трубы трубил и в органы играл».

Он дал детям учителя, западнорусского ученого монаха, который повел преподавание дальше Часослова, Псалтыря и Октоиха, учил царевичей языкам латинскому и польскому.

Но царь Алексей не мог стать во главе нового движения и дать ему определенное направление, отыскать нужных для того людей, указать им пути и приемы действия. Он был не прочь срывать цветки иноземной культуры, но не хотел марать рук в черной работе ее посева на русской почве. Несмотря, однако, на свой пассивный характер, на свое добродушно-нерешительное отношение к вопросам времени, царь Алексей много помог успеху преобразовательного движения. Своими часто беспорядочными и непоследовательными порывами к новому, своим умением все сглаживать и улаживать, он приручил пугливую русскую мысль к влияниям, шедшим с чужой стороны. Он не дал руководящих идей для реформы, но помог выступить первым рефор-

маторам с их идеями, дал им возможность почувствовать себя свободно, проявить свои силы и открыл им довольно просторную дорогу для деятельности: не дал ни плана, ни направления преобразованиям, но создал преобразовательное настроение.

Трон царя Алексея Михайловича